

Глава 15. Мгновенное поражение

— Я думал, что знаю его как никто другой, но... — Цюй Луныцзюнь, заложив руки за спину, крепко сжал кулаки. Его пальцы едва заметно дрожали. — Но я решительно ничего не понимаю!

Цин И, конечно, понимал, о ком идёт речь. Но в их запутанных отношениях — обидах, недомолвках и бесконечных претензиях — он имел меньше всего права подавать голос.

— Как можно быть настолько своенравным? — продолжал принц. — Столь безответственным, безрассудным! О чём он только думал? Принять такое решение, так просто сдаться... Неужели он ни на секунду не задумался обо мне?

— А вы? Вы о нём думали? — ледяным тоном отозвался Цин И.

Сам он тоже не одобрял поступок Е Юаня. Жизнь — штука тяжёлая, полная невзгод, но даже если чувства угасли, можно было просто уйти. Собрать вещи, уехать подальше, начать всё с чистого листа. Е Юань был молод, перед ним лежали тысячи дорог. Обрывать собственную жизнь ради призрачной любви — глупость несусветная. И всё же в глубине души Цин И сочувствовал покойному лекарю. Потому что предательство Цюй Луныцзюня было ещё более непростительным.

— О чём ты говоришь? Взять принцессу-консорт потребовал сам Юань-эр.

— Что?! — Цин И опешил.

— Да, это правда.

— Но как же... Я думал...

— Ты ведь видел ту яшмовую чернильницу в Павильоне Чистого Душистого Трутника?

— Да. Вы говорили, это редкая сине-белая фиолетовая яшма.

— Королевство Цюй славится своими залежами фиолетовой яшмы. Высшим сортом считается чистый камень, лишённый всяких изъянов. Но порой в породе проступают эти сине-чёрные прожилки. Отношение к ним разное: те, кому они по душе, почитают их за сокровище, прочие же видят в них лишь порчу и уродство. Знаешь, что сказал тогда Юань-эр?

— И что же?

— Он сказал, что эти прожилки подобны человеческому лицу. Если ты мил кому-то, в твоих чертах увидят благодать; если постыл — в них разглядят погибель и проклятие.

— Он говорил о себе?

— Юань-эр никогда не гордился своей красотой. Напротив, он считал её клеймом.

— Клеймом? Почему?

— Из-за этого люди звали его высокомерным, не замечая, что за внешней холодностью скрывается глубокая уязвимость. Он во всём искал совершенства, потому что чувствовал себя ущербным.

— Но почему красота казалась ему уродством? Это же нелепо!

— Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, — Цюй Луньцзюнь повернулся к нему. — Я искренне желал подарить ему счастье. Я делал всё, что было в моих силах.

Цин И поднял глаза. В неверном серебристом сиянии луны очертания лица принца казались размытыми, но взгляд его горел лихорадочным блеском.

— Мне неведомы все ваши тайны, — негромко произнёс Цин И. — Но любовь никогда не бывает простой. Честно говоря, я тоже не могу принять его выбор. Ведь счастье... счастье строят двое, деля ношу поровну.

— Ты действительно... совсем другой, — прошептал Цюй Луньцзюнь и, поддавшись порыву, коснулся щеки юноши.

— Что вы делаете? — Цин И вздрогнул, пытаясь отстраниться.

— Но лицо то же. Порой мне кажется, что всё это лишь сон.

Цин И отступил на полшага назад и резко отвернулся, разрывая прикосновение.

— Не нужно искать во мне его.

Пальцы принца замерли в воздухе. Спустя мгновение он медленно опустил руку.

— Я и не ищу.

— Что до меня, — сухо заговорил Цин И, — то я не собираюсь гнаться за призраками идеальной любви, как Е Юань. Судьба забросила меня в это тело, и я считаю это вторым шансом. Возможно, небо решило возместить мне былые потери. Я сделаю всё, чтобы обрести простое человеческое счастье — завести семью, вырастить детей, прожить обычную жизнь. Вы сами назвали меня прямым человеком, ваша милость. Вы тоскуете по Е Юаню, и моё лицо пробуждает в вас ложные надежды. Наверное, вам кажется, что суррогат может принести облегчение. Я не знаю, таков ли ваш характер вообще, или эта нежность предназначалась лишь ему. Но для того, кто никогда не знал тепла, подобная забота обманчива. Я могу привязаться к ней, растаять, поверить в чудо. Не хочу лгать ни себе, ни вам. Я эгоистичен. С обычным приятелем я мог бы терпеть полунамёки и двусмысленные взгляды. Но я никогда не займу место Е Юаня рядом с вами. Его больше нет. Принять это тяжело, знаю. Но пройдёт время, утихнет боль, и даже самые яркие воспоминания подернутся дымкой забвения.

Цюй Луныцзюнь долго молчал, не сводя с него глаз.

— К чему эта жестокая честность? — наконец глухо спросил он. — Неужели ты не понимаешь, как больно ранят твои слова?

Цин И опустил голову, избегая его взгляда.

— Простите... Но лучше оборвать всё сейчас, пока раны не стали глубже...

Договорить он не успел. Цюй Луныцзюнь рванулся вперёд и крепко, до хруста в рёбрах, прижал его к себе.

— Зачем ты это говоришь?.. Зачем?..

Цин И попытался вырваться, но в этот миг принц поцеловал его. Поцелуй — жадный, отчаянный, полный невысказанной тоски — застал его врасплох. Разум Цин И на мгновение помутился, тело окоченело, отказываясь повиноваться. Он замер, не зная, как реагировать на этот ураган чужих чувств.

Наконец опомнившись, Цин И резко упёрся ладонями в грудь Цюй Луныцзюня и изо всех сил оттолкнул его.

— Да как вы...

Принц, казалось, и сам испугался собственного порыва. Они стояли друг напротив друга, тяжело дыша, и тишина между ними звенела от напряжения.

В груди Цин И закипала удушающая ярость. Чёртова луна! Это всё из-за её треклятого сияния!

Не говоря больше ни слова, он круто развернулся и бросился прочь. Заскочив в палатку, он

обессиленно рухнул лицом на соломенный тюфяк.

Мерзавец! Он вообще слышал, о чём я говорил? В этом чужом, холодном мире у меня нет ни единой родной души, нет друзей. Он был единственным, кому я пытался доверять. Мне нужно было лишь немного простого человеческого участия, а этот негодяй... Неужели он не понимает, сколько сил требуется, чтобы не сойти с ума от одиночества в чужом теле? Его обманчивая нежность разрушит мою броню, разобьёт вдребезги ту хрупкую силу, которую я с таким трудом в себе вырастил! Он хочет привязать меня к себе? Сделать зависимым?

В бессильной злобе Цин И несколько раз ударил кулаком по соломе.

«Ублюдок!»

Этой ночью сон всё же сморил его, но то было тяжёлое, бредовое забытие. Ему грезились какие-то смутные кошмары, улетучивавшиеся из памяти при первом же вздохе на рассвете. Утром всё тело ныло, словно после изнурительного марафона. Усталость сковала мышцы, и, уже сидя в седле, Цин И никак не мог перестать зевать.

Цюй Луныцзюнь ехал рядом. Кони шли на некотором расстоянии друг от друга, словно чувствуя неловкость своих наездников. Принц то и дело косился на бледное, измученное лицо юноши, порывался заговорить, но вчерашний вечер тяжёлым камнем лежал на сердце, и слова застревали в горле.

По возвращении в поместье Лунчжао натянутость между ними стала почти осязаемой. Цин И заперся в Павильоне Чистого Душистого Трутника и целыми днями иступлённо листал медицинские трактаты, не желая выходить наружу. Цюй Луныцзюнь тоже не появлялся уже двое суток. В резиденции вновь поползли шепотки и грязные слухи, но юноша демонстративно их игнорировал.

«Долго так не протянется, — думал Цин И. — Наверное, я уйду раньше, чем истечёт месяц. Всё к этому и шло. Глупец, зачем только я согласился остаться? Мерзавец!»

Он до белизны в суставах сжал в руке самодельный графитовый карандаш.

«Его забота, его мягкость... всё это предназначалось не мне. Он видит во мне лишь тень. Замену. Обыкновенную куклу для утешения!»

С тихим рыком он швырнул карандаш на пол и бессильно откинулся на спинку стула, закрыв лицо ладонями.

«Цин И, неужели ты завидуешь?»

В голове внезапно прозвучал чужой, но пугающе знакомый голос. Собственное эхо,

похороненное, казалось, много лет назад. Цин И вздрогнул.

«Нет. Замолчи. Тебе нельзя возвращаться!»

«Ты завидуешь...»

«Враньё! Зачем ты явился? Ты исчез, растворился! Мне больше не нужна твоя фальшивая поддержка!»

«Как я могу исчезнуть? Ты лишь на время заглушил меня. Я нужен тебе всегда. Я вижу твою суть, Цин И. Тебе ведь приятна его нежность. Ты жаждешь её. О да, я вижу это отчётливо. Каждый твой взгляд, каждое слово, каждое прикосновение — ты чувствуешь это всем своим существом. Кого ты пытаешься обмануть, трус?»

«Убирайся! Я не желаю слушать этот бред! Твои слова — яд!»

«Разве так трудно признаться самому себе, Цин И?»

«Пошёл вон!»

«Порой яд — единственное противоядие. Самое верное лекарство от той отравы, что скопилась в твоём сердце».

«Замолчи... Пожалуйста, замолчи...»

Очнулся Цин И за письменным столом. Перед ним сиротливо белели недописанные листы с заметками. Пальцы мелко дрожали, сердце колотилось в груди как сумасшедшее. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь унять эту внезапную дрожь.

— Учитель! — в комнату стремительно вбежал Мань Юэ.

Цин И испуганно вздрогнул:

— Ч-что такое?

— Ой, учитель, вы в порядке? На вас лица нет!

— Да... всё хорошо. Что-то случилось?

— Учитель, у меня потрясающие новости! Прибыл шигун!

—...

Цин И оцепенел.

— К-кто? Шигун?

— Да! — Мань Юэ радостно захлопал в ладоши. — Ваш почтенный наставник! Тот самый лекарь Сяо Яньи, о котором ходят легенды. Говорят, если за дело берётся «Врачеватель из преисподней», он самого владыку смерти заставит вернуть душу обратно!

«Шигун? Учитель Е Юаня?! Мне конец!»

Паника ледяной волной окатила Цин И. Разум лихорадочно заработал, подыскивая предлог, чтобы избежать этой смертельно опасной встречи.

— Мань Юэ... Послушай... Шигун...

— Он уже у ворот резиденции! — зашебетал Мань Юэ. — Думаю, слуги вот-вот проведут его в наш двор.

Цин И с грохотом отодвинул стул и вскочил на ноги. Пути к отступлению были отрезаны.

— Мань Юэ, быстро беги к нему. Скажи... скажи, что я внезапно занемог и не могу принимать гостей!

— Но учитель, это же ваш наставник! Он проделал такой долгий путь, чтобы повидаться с вами... — обиженно протянул Мань Юэ.

— Так и скажи: слёг в горячке, не могу подняться с постели! — Цин И принялся судорожно сгребать бумаги со стола. — В общем, никак нельзя!

— Но если вам нездоровится, шигун как раз сможет вас осмотреть...

Голос Мань Юэ доносился словно сквозь слой воды. В ушах Цин И шумело, лоб покрылся испариной. Бежать! Нужно немедленно бежать из этого проклятого места! Он рванулся к выходу, распахнул двери Павильона Чистого Душистого Трутника и... застыл на пороге.

По дорожке сада в сопровождении слуги неспешно шёл пожилой мужчина. Несмотря на седые как лунь волосы, лицо его казалось удивительно молодым, а взгляд оставался острым и цепким.

Стоило их взглядам встретиться, как Цин И словно пригвоздило к месту. Ноги налились свинцом, дыхание перехватило.

— Юань-эр... — негромко произнёс старик.

По спине Цин И пробежал ледяной озноб. С трудом сглотнув вставший в горле ком, он выдавил из себя хриплое:

— Учитель...

— М-да... — старец слегка прищурился, пристально разглядывая его. Не говоря больше ни слова, он подошёл ближе, крепко взял юношу за запястье и повёл обратно в павильон. — Зайдём в дом.

— Хорошо... — растерянно пробормотал Цин И, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Ситуация окончательно выходила из-под контроля.

Они устроились за столом. Мань Юэ тут же расторопно заварил свежий чай и, сияя улыбкой, вежливо поклонился:

— Шигун!

— Мы не виделись целый год, дитя, — мягко проговорил Сяо Яньи. — Как твои дела?

— Благодарю за заботу, шигун, у меня всё замечательно! А как ваше здоровье?

— Жаловаться грех. — Старый лекарь перевёл взгляд на Цин И. Этот пронизывающий насквозь взор заставил юношу внутренне сжаться. — Ну а ты, Юань-эр? Как поживаешь?

Цин И казалось, что его препарируют живьём. Под этим взглядом кожа зудела, словно по ней ползали мириады насекомых.

— Хорошо... Всё в порядке. Спасибо за заботу, учитель.

— Вот как? — Сяо Яньи медленно погладил длинную серебристую бороду. Голос его звучал обманчиво мягко.

— Да... действительно так, — Цин И отвёл глаза, не смея смотреть собеседнику в лицо.

— Когда я брал тебя за руку на пороге, я успел прощупать твой пульс, Юань-эр. И знаешь, что меня удивило? Поговаривают, ты недавно ездил верхом.

— Эм... Да, было дело.

— Услышав об этом, я не поверил собственным ушам. Ты ведь с самого детства до смерти боялся лошадей. Помнишь, как упал с жеребца? Та глубокая отметина на твоей голени — как раз напоминание о том дне.

— Ах... да, верно.

— Скажи мне, Юань-эр, когда ты планируешь покинуть это поместье?

— Что? — Цин И изумлённо вскинул голову.

— Моя поездка преследует лишь одну цель: я приехал, чтобы забрать тебя домой.

— Но...

— Что такое? Ты до сих пор не принял решение?

Пока Цин И лихорадочно соображал, что ответить, двери павильона вновь открылись, и Мань Юэ звонко доложил:

— Прибыл его милость принц Чжао!

Цюй Луныцзюнь стремительно вошёл в комнату.

— Господин Сяо! Какая честь для моего скромного дома. Прошу простить, что не встретил лично у ворот.

— Приветствую вас, ваше высочество, — старый лекарь степенно поднялся для поклона.

— Полноте, господин Сяо, не стоит церемоний, прошу вас, присаживайтесь.

— Ваша милость слишком добры к старику. Я давно оставил должность главы императорских лекарей и теперь всего лишь обычный обыватель. Мой непутёвый ученик и без того слишком долго гостил у вас, обременяя заботами. Сегодня я намерен забрать его с собой и вернуться в Пиньян.

— О чём вы, господин Сяо? — мягко рассмеялся принц. — Вы проделали столь долгий путь. Было бы упущением отпустить вас так скоро. Погостите у нас хотя бы несколько дней. К тому же мне недавно преподнесли редчайший столетний чай «Дождевые узоры». Не откажите в любезности составить мне компанию за чашей этого благородного напитка.

— Что ж... — Сяо Яньи перевёл взгляд с притихшего Цин И на хозяина поместья, о чём-то раздумывая. — В таком случае приму ваше приглашение. Надеюсь, не сильно стесню вас.

— Прошу вас, господин Сяо.

— После вас, ваше высочество.

Перед тем как выйти, Цюй Луныцзюнь бросил на Цин И долгий, пронзительный взгляд, но юноша демонстративно отвернулся к окну.

Всего два дня разлуки, а принц заметно осунулся. Цин И до сих пор не понимал, что чувствует к этому человеку и как вести себя с ним дальше. Пожалуй, лучшим выходом было бы дожидаться окончания осеннего молебна и навсегда покинуть резиденцию. Поставить точку в этой затянувшейся драме.

— Учитель? — Мань Юэ робко подошёл ближе, видя, что тот застыл посреди комнаты каменным изваянием.

— Мань Юэ... — Цин И бессильно опустил на стул и устало прижал ладонь ко лбу. — Кажется, я полный неудачник.

— Ну что вы, учитель! Выпейте горячего чаю, вам станет легче. — Мань Юэ заботливо протянул ему пиалу.

— Мань Юэ, шигун упомянул, что в детстве я упал с лошади и после этого панически боялся верховой езды. Это правда?

— Да, я тоже слышал об этом. Поэтому мы все так удивились, когда вы с его милостью отправились кататься.

— И шрам на моей ноге... он действительно остался после того падения?

— Шрам? — Мань Юэ удивлённо моргнул. — О чём вы, учитель? Вы ведь повредили ногу, когда собирали травы в горах — вас укусила ядовитая змея!

Звонкий хлоп — пиала выскользнула из онемевших пальцев Цин И и вдребезги разлетелась о каменный пол. Кипяток расплескался во все стороны, несколько чаинок прилипли к подолу его одеяния.

— Ой, учитель! Вы не обжёглись? Пойдите, я сейчас всё уберу!

— Что... что ты сказала? — прошептал Цин И. Голос его сорвался на сип.

— Я говорю, вас укусила змея. Шигун тогда еле спас вас, сам рану обрабатывал.

Мир вокруг Цин И окончательно рухнул. Тот крохотный лучик надежды, который ещё теплился в его груди, погас, оставляя лишь беспросветную бездну.

Вот она, разница в классе. Старый лекарь даже не стал устраивать допрос. Он нанёс единственный, выверенный удар — и победил. Чистая победа. Полный, безоговорочный нокаут.

<http://bllate.org/book/20580/2146757>